Свиридов Георгий

14.01.98.

ЧИСТАЯ МУЗЫКА БЫТИЯ

Труд. - 1998. - 14 янв. - с. 7.

Девятый день нет с нами Георгия Свиридова

Сегодня о великом русском композиторе размышляет автор «Книги о Свиридове», двух фильмов, эссе о незабвенном Художнике — критик, музыковед, кинодраматург, заслуженный деятель искусств России Андрей ЗОЛОТОВ.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,
Может быть, проходит время?..
(Из Бориса Пастернака).

Снег идет... Идут друг за другом скорбной чередой люди — проститься с Георгием Васильевичем Свиридовым. Идут через маленькую столовую, где покоится гроб. Идут мимо дверей его усыпанного цветами просторного кабинета с огромным письменным столом и небольшим роялем, множеством книг и картин, подаренных друзьями-художниками: Моисеенко, Мыльниковым, Коржевым, Куманьковым, Селиверстовым... Идут весь день, вглядываясь в красивое, могучей природной лепки лицо могучего русского гения истаивающего XX столетия.

Снег идет... И с удивительной, затаенной проникновенностью звучат слова Патриарха Московского и всея Руси Алексия II над гробом Свиридова в храме Христа Спасителя, и поет церковный хор, и разносятся испытанные в многолетии молитвы заупокойной службы. И множество людей, заполнивших храм, мысленно вторят словам молитвы, в молчании ощущая в себе живую, очищающую силу свиридовской музыки, свиридовской Руси.

Снег идет... И на Новодевичьем кладбище обретает пристанище еще один сын России, чье имя, творения неотделимы от нее. Вокруг свежей могилы — лица знакомые и незнакомые: Эльза Густавовна Свиридова, Тамара Васильевна Белоненко — вдова и сестра композитора. Валентин Распутин. Виктор Черномырдин. Александр Ведерников. Владислав Чернушенко. Владимир Минин...

Комья земли. Свежий холм. И среди имен не так давно ушедших от нас Ивана Козловского, Леонида Леонова, Олега Борисова, Иннокентия Смоктуновского возникает на черно-золотой табличке: «СВИРИДОВ Георгий Васильевич»...

Снег идет... Природа, которую так истово чувствовал Свиридов, тихо, по-русски простилась с ним неспешным кружением снежных хлопьев. Покой и движение, печаль и свет, сиюминутное и вечное всегда и навечно в свиридовской музыке...

Мне вспоминается первое исполнение кантаты Свиридова «Снег идет». Большим симфоническим оркестром и детским хором дирижировал Геннадий Рождественский. Тогда многих удивило обращение Свиридова к поэзии Пастернака, особенно — к неопубликованному, фактически запрещенному стихотворению «Душа». Это был один из Поступков композитора, по сути, обнародовавшего таким образом опальные пастернаковские строки об униженных и замученных.

Таких Поступков было в свиридовской жизни немало. Было и посвящение второй части «Патетической оратории» («Бегство Врангеля») трагедии народа в гражданской войне. Это если и не гимн белому движению, то объективно первый призыв к признанию равнозначности жертв той и другой стороны, обращение к чувству национального единения... Революция — для Свиридова — всеобщее потрясение, рождающее импульс и гигантский порыв к коллективному единению. Ведь это, по сути, религиозная идея соборности. В этом смысле все творчество Свиридова — не только произведения на канонические культовые тексты, не только хоры к «Царю Федору Иоанновичу» и другим пьесам А.К.Толстого, не только «Песнопения и молитвы» — религиозно, духовно. Свиридов — фигура символическая, объединяющая: каждый определенным образом настроенный человек в нем признает своего — будь то скрипач, играющий на улице «Романс» из «Метели», или математик и философ Шафаревич, или музыкант-мудрец, учитель и почитатель Свиридова Шостакович...

У Свиридова нет агиток, и даже песня-романс «Смерть комиссара» есть обобщенный образ человеческой трагедии, как и в навеявшей его одноименной картине Петрова-Водкина — кстати, одного из любимейших, наряду с Александром Ивановым, свиридовского художника. Об их живописи мы беседовали с ним часами, ведь и у них — то же соединение конкретно-исторического с обобщенно-символическим... Искусство Свиридова вписано в историю, но и вознесено над ней, в его музыке черты того или иного отрезка времени приобретают характер вечности.

Время — вечность... Это один из стержневых свиридовских двуединых образов. Не случайно возникла в творчестве композитора музыка к фильму Михаила Швейцера «Время, вперед!». Фильм — замечательный, но музыка далеко вышла за его рамки, тоже приобретая значение символа. Мы ведь и по сей день слышим ее в качестве заставки к популярнейшей информационной программе телевидения. Кто-то обвиняет ее в излишней жизнерадостности, видит тут чуть ли не образчик соцреалистического бодрячества. Знают ли эти люди, что были моменты, когда музыку Свиридова пытались изъять из эфира: как водится, «по просьбе трудящихся». Действительно, приходили письма людей, которым свиридовский ритм казался слишком беспокойным — «словно вот-вот начнется война»... Правильно, он не безмятежен, в нем — все многообразие ощущений стремительности и непредсказуемости мировых событий. Он и трагичен, и оптимистичен...

Фото Вячеслава КРУГЛИКОВА.

А рядом — музыка к довольно проходному фильму «Метель». Сегодня редко кто вспоминает о непосредственном кинематографическом поводе ее появления, и сам Свиридов, делая на ее основе симфоническую сюиту, назвал произведение музыкальными иллюстрациями к повести Пушкина. В таком жанровом определении, конечно, сказалась скромность автора; если уж с чем сравнивать эти маленькие шедевры, то не меньше чем с иллюстрациями Дюрера.

У него был потрясающий дар художнического перевоплощения. Это не просто «свое прочтение» Пушкина, Блока или Есенина, это погружение в слово и одновременно возвышение поэтического текста через музыку. С музыкой Свиридова стихи как бы обретают крылья и летят в совершенно неожиданном порой направлении. Не всем это «окрыление» стиха понятно, подчас оно вызывало недоумение даже у знатоков. Например, такой блистательный литературовед, как Вадим Кожинов, признавая гениальность постижения Свиридовым Маяковского, отказал однажды ему в таковом по отношению к Есенину. Он мог представить себе стихи Есенина распетыми в «бытовом», «гитарном» варианте, но возвышенная музыкальная трактовка великой есенинской поэзии оказалась для него неприемлема...

И вновь на память приходит кантата «Снег идет». Неожиданной для многих в ней была не только вторая часть «Душа», но и финал «Ночь».

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты вечности заложник
У времени в плену.

У Пастернака это говорит поэт — другому поэту, художнику вообще. Существенно иное — у Свиридова. У него этот в высшей степени серьезный призыв положен на очень простой мотив, который поют детские голоса, — что опять-таки поставило в тупик немалое количество слушателей. И, между прочим, смутило самих детишек, которым Свиридову на репетиции даже пришлось объяснять: это не пионерская песня, это ангелы поют... Так вот в чем, оказывается, разгадка: мы тут слышим голоса ангелов-хранителей художника, которые подсказывают ему единственно верный путь бодрствования, предостерегают от спячки, застоя, призывают служить людям, миру, Господу Богу через творчество...

Как часто (читатель, наверное, это уже заметил) в связи со Свиридовым приходится касаться темы непонимания художника его окружением. Что ж, большая творческая личность шире наших эстетических, жизненных стереотипов. Свиридов соразмерен Стравинскому, Прокофьеву, Шостаковичу. Его место — рядом с Рахманиновым, Скрябиным. Он — восприемник эпико-драматического направления Мусоргского. Круг его музыкальных симпатий и источников идей — Глинка и его эпоха, древнерусское песнетворчество.

И в то же время Свиридов — художник мировой стати, понятный и близкий далеко не только русским людям. Помню, как чутко, эмоционально-точно отозвался на кантату «Курские песни» великий немецкий режиссер Вальтер Фельзенштейн: «Это же русский реквием!» — воскликнул он...

Свиридов — плоть от плоти европейской, мировой культуры: он обожал Шумана, вообще австронемецкий романтизм; он мог посреди беседы с вами сесть за рояль и сыграть песню Брамса или Шуберта. Его горячо интересовала музыка XX века: Яначек, Барток, Орф, Бриттен... Он знал и любил даже то, что, казалось бы, не должно быть ему близко: например, замечательно проницательно судил о нововенской школе, об Антоне Веберне, в творчестве которого ему слышалось предощущение «послевоенной трагедии германского духа». Он ценил музыку своих современников-соотечественников Бориса Чайковского, Мечислава Вайнберга, Романа Леденева, Владимира Рубина, чрезвычайно высоко ставил Валерия Гаврилина. Он интересно говорил о песнях Андрея Петрова, а Соловьева-Седого и Блантера прямо называл гениями...

Особая глава — это отношения Свиридова с исполнителями: его связывали глубокая приязнь и прочные творческие узы со многими музыкантами — дирижерами Евгением Светлановым, Кириллом Кондрашиным, Геннадием Рождественским, Натаном Рахлиным, Владимиром Федосеевым, Александром Юрловым, Владимиром Мининым, Владиславом Чернушенко; выдающимися певцами Александром Ведерниковым, Евгением Нестеренко, Ириной Архиповой, Еленой Образцовой, Алексеем Масленниковым, Дмитрием Хворостовским... В последние годы Георгий Васильевич стремился как можно интенсивнее встречаться и работать с артистической молодежью...

82 года — серьезный возраст, но уход Свиридова все равно стал неожиданным. Он был бодр духом, находился в творческом всеоружии, погружен в работу. Его архив огромен (известно, как тщательно он шлифовал произведения, как долго мог держать под спудом практически готовое сочинение перед тем, как решиться представить его публике), и тут нас еще ожидают потрясающие открытия.

Однажды Свиридов сказал мне: «У каждого настоящего композитора должно быть хоть одно сочинение, которое не стыдно было бы сыграть над его гробом».

Над гробом Свиридова, над его могилой, над его Именем может звучать любое его сочинение.

«Шлю вам самые хорошие, добрые пожелания на будущее: покоя, благоденствия, успешной работы... Я скучаю... без душевного общения. Г.Свиридов».

Это новогодняя открытка Георгия Васильевича, присланная автору этих строк на новый 1997 год. Но, право же, эти слова звучат сегодня как свиридовское послание каждому из прикоснувшихся к его музыке людей — на новые времена, без него, но с ним.

Записал
Сергей БИРЮКОВ.

66